

Мама и папа умерли, когда мне было пять.

Как раз тогда я уже начала всё понимать, уже стала осознавать, что папа — это папа, а мама — это мама, когда они отправились на небеса.

Случилась авария.

Вроде они погибли мгновенно.

Тогда мне было всего пять, и я узнала об этом, потому что все об этом говорили.

Если честно... Я даже не до конца этого воспринимала.

Они говорили, что папа и мама умерли, но я плохо это понимала.

Никак не улавливала суть случившегося.

Для пятилетнего ребёнка это слишком сложно, я просто не могла понять.

Потому и на церемонии, и на ужине после я просто тихо сидела, не проронив ни слезинки.

Окружающие говорили, какая я послушная, но дело было не в этом. Я просто не понимала, что мне делать.

Я не поспевала за происходящим.

И всё же.

Как-то, пусть я и была пятилетним ребёнком, по атмосфере вокруг смогла что-то понять.

Поняла... Что это было грустное время.

Взрослые на похоронах смотрели на меня и повторяли «бедная», что просто заставляло понять всё.

Да, верно.

Я «бедная».

Хочешь — не хочешь, но поймёшь.

Даже против воли поймёшь.

И во время ужина... Дяди и тётки заговорили о том, кто возьмёт меня к себе. Говорили свободно, считая, что пятилетний ребёнок ничего не поймёт.

Ну, они были правы, я и правда не понимала всю суть разговора... Но кое-что было понятно.

Я помеха.

Я неприятность.

Сердце заполнили мрачные мысли. Дышать стало тяжело, хотелось заткнуть уши, закрыть глаза и исчезнуть...

— ... Я возьму заботу об этом ребёнке на себя.

И тут во всей этой трагедии появился человек, спасший меня.

Катсураги Аяко.

Младшая сестра мамы... Моя тётя.

Сейчас я зову её мамой.

Вот так мама взяла меня к себе, и прошёл год.

Ну... Хотя я и говорю «взяла», но это мама переехала в мой дом, где я жила с родителями, потому не особо ощущается, что меня взяли, но это не так уж важно.

В любом случае... Прошёл год с тех пор, как я начала жить с мамой.

— Эй, эй, братик Таку.

Вторая половина дня, выходной.

Гостиная моего дома.

В этот день к нам в гости пришёл братик Таку.

У мамы были срочные дела, потому она засела в своей комнате и работала, а меня оставила на попечения братика Таку.

Такое... Бывало довольно часто.

Братик Таку часто со мной играл.

Мне было весело, но вот вспоминаю сейчас... И похоже, что ему было не так весело. Обычному мальчику вряд ли понравится играть с пятилетней девочкой, которая младше его.

Наверняка он хотел поиграть со школьными друзьями или дома в игры.

Но братик Таку не выражал недовольства и играл со мной.

— Что такое, Миу-тян? — спросил у меня одиннадцатилетний братик Таку.

В руках было недоделанное кольцо из бисера.

Сегодня мы делали украшения из бисера.

— Это, — начала шестилетняя я.

Не прекращая науживать бисер на нитку, я просто спросила...

— Что значит Миу «бедная»?

Лицо братика Таку напряглось.

— ... А что?

— Вчера в садике так меня называли Харуто-кун и Маттян. «У Миу нет папы и мамы, бедная».

Уже через месяц все соседи и родители в садике знали про моих родителей.

Событие было значимое, потому оно быстро разошлось вокруг.

А в сочетании с хорошим моментом «сестра погибшей взяла себе ребёнка», популярность

взлетала до небес.

Ну, оно ведь всё к счастью.

Вокруг меня здравомыслящие люди, они не пытались обидеть или ранить... Но когда слухи начали расходиться, их было уже не остановить.

Всё это перешло от взрослых к детям, и даже ребята в группе знали о том, что стало с моими родителями.

— Две воспитательницы сразу разозлились. Сказали, что нельзя такое говорить. Харуто-кун и Маттян извинились... Но Миу ничего не поняла.

Я никого не упрекала.

Харуто-кун и Маттян не хотели сделать ничего плохого.

Просто им было жалко, что мои родители погибли, и они подумали, что я бедная.

Это по-детски невинно.

Но... Тогда я этого не понимала.

Пусть даже смысл этих слов разозлил воспитателей.

— Миу «бедная», потому что мои папа и мама умерли?

— ... — на лице братика Таку была озадаченность.

Если подумать... Да. Непростой вопрос я задала, и теперь слегка сожалению.

Нет, неприятный и тяжёлый.

Не тот вопрос, который стоит спрашивать у одиннадцатилетнего ребёнка.

Тогда... Братик Таку выглядел невероятно задумчивым.

— ... Миу-тян, — начал он. — То, что твои родители умерли... Это очень печально. Очень-очень печально, — братик Таку говорил медленно и с запинками, но продолжал смотреть на меня. —

Потому, раз с тобой случилось такое горе, все и говоря, что ты «бедная». Но... Я так не считаю, — он продолжал. — Ведь у тебя... Есть мама Аяко.

— ...

— Ты же любишь маму Аяко?

— Да, очень люблю!

— Тебе весело с ней?

— Да, весело!

— Потому ты не «бедная». Ребёнок, живущий с такой замечательной мамой, не может быть «бедным».

— Вот как.

Его слова не были такими уж идеальными.

Говорил неуверенно и аргументация была натянутой.

Как-то слабо и по-детски... И всё же.

— Ну и хорошо, значит Миу не «бедная».

Его слова достигли моего сердца.

Его искренность достигли меня, и мне стало легче.

Дело было не в самих словах, мне было приятно, что он смотрел мне прямо в глаза и был таким серьёзным.

— Миу сейчас очень счастлива, — будучи в приподнятом настроении, я разговорилась. — Конечно очень грустно, что мои папа и мама умерли... Но теперь моей мамой стала тётя Аяко, и в садике тоже весело... А ещё братик Таку играет со мной. Иногда бывает немного одиноко, но чаще мне очень весело.

— ... Вот как.

— Мама и папа на небесах наверняка тоже рады, что мне весело.

— Да. Точно рады. Уверен в этом.

— Вот как. Тогда Миу всегда будет радостной, — беззаботно, как и полагается шестилетней, сказала я. — А. Точно.

Я отложила кольцо из бисера и встала.

И взяла с небольшого шкафа в углу комнаты кое-что.

— Э-хе-хе. Решила показать тебе это сегодня, — сказав это, я протянула ему... Картинку.

Картинка в маленькой рамочке.

— Это... Ты нарисовала?

— Ага.

— А это... Я и ты?

— Ага, — бодро кивнула я.

Тогда я думала, что получилось у меня просто отлично, потому и захотела похвастаться, но сейчас даже стыдно, так плохо было нарисовано.

Улыбающиеся лица, прямо в стиле рисунка ребёнка из садика. Неестественно ровно стоящие парень и девушка также неестественно взяли за руки.

Чтобы было понятно, чьи это каракули, рисунок был аккуратно подписан.

Возле мальчика и девочки были хираганой написаны имена «Миу» и «братик Таку».

— Ого, как красиво нарисовала, — с улыбкой похвалил меня братик Таку.

Тогда я готова была до неба подпрыгнуть от радости.

— Мама тоже сказала, что у меня хорошо получилось. А ещё сказала, что её надо украсить, и купила рамочку. И этим иероглифам меня мама научила, потому я старательно их выписала!

Я указала на «Миу» и «братик Таку» возле людей на рисунке.

И ещё.

Над людьми была ещё одна надпись.

«Когда вырасту, выйду замуж за братика Таку».

— Выйду замуж...

— Ага, — я весело улыбнулась, говоря это без стеснения.

Для меня этот рисунок был как листок с желанием на Танабату или эма[<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BC%D0%B0...>] И как любовное письмо, в котором я изливала свои чувства.

— Когда Миу вырастет, выйдет замуж за братика Таку!

Катсураги Миу.

Шесть лет.

Много всего случилось... Совершенно чужие люди, ничего о ней не зная, называли её бедной, а она весело жила со своей новой мамой.

А ещё очень-очень любила соседского мальчика, который постоянно приходил с ней поиграть.

<http://tl.rulate.ru/book/71226/1981450>